

МУРЗИЛКА

№ 5

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ

МАЙ
1949

Обойди ты всё на свете,
Все края пересчитай —
Где ещё на всей планете
Есть такой чудесный май!

Нет садов советских краше,
Нет счастливей наших глаз:
Все цветы сегодня — наши,
Птицы все поют — для нас!

На реке в челне рыбачьем,
По лугам и по лесам
Звонкой песенки ребячьей
Не смолкают голоса.

Детство наше золотое!
Всё светлей ты с каждым днём.
Под счастливою звездою
Мы живём в краю родном!

Антон Пришелец

ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН

ЮНЫЕ

Много у советских ребят памятных радостных событий: первый день в школе, торжественное обещание у пионерского знамени, весёлые походы, ночные костры, первые победы на беговой дорожке, первые цветы на молодых яблоньках, посаженных своими руками...

Но есть в пионерском календаре такой знаменательный день, который помнят не только в отряде. Он дорог и тем, кто уже стал комсомольцем или вступил в ряды коммунистической партии.

И если бы можно было устроить большой-большой пионерский костёр да пригласить всех, кто носил когда-то пионерский галстук, сколько почётных гостей собралось бы к его яркому пламени!

Герои Советского Союза и Герои Социалистического Труда, учёные и художники, врачи и учителя пришли бы на это большое торжество. Ведь они тоже были пионерами. И они вспомнили бы про свой пионерский отряд и рассказали нам о пионерской дружбе, в которой рождалась большая любовь к своей родине, к партии Ленина — Сталина.

А ещё рассказали бы они нам о торжественном пионерском параде.

...Это было 23 мая 1924 года, двадцать пять лет назад.

Какой тогда стоял чудесный день!

С полудня в городе зазвучали сигналы горнистов, послышались дробь барабанов и песни, звонкие, задорные пионерские песни! С развевающимися на ветру знамёнами со всех концов Москвы к сердцу её — Красной площади — шагали отряды юных пионеров.

Как маленькие ручейки, вливались отряды со всех улиц и переулков в мощный поток пионерских колонн, стекавшихся на Красную площадь. Кремлёвские куранты пробили три часа.

И когда где-то за Москвой-рекой эхо повторило последний удар часов, над площадью воцарилась тишина.

Десять тысяч пионеров замерли в строю. Впереди знаменосцы, горнисты, барабанщики, за ними отряды, отряды, отряды...

Из ворот Кремля выходят делегаты XIII съезда партии. На трибуну мавзолея поднимается товарищ Сталин. Он ласково улыбается, ребята радостно приветствуют его. По рядам, как волны, перекатывается пионерское «ура».

И вот наступают самые торжественные минуты. С трибуны мавзолея объявляется

ЛЕНИНЦЫ

решение о присвоении пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина. Медленно склоняются по всей площади пионерские знамёна, и тогда поднимается на трибуну мавзолея старейший делегат XIII съезда партии.

— «Я, юный пионер СССР...» — читает он текст торжественного обещания.

— «Я, юный пионер СССР...» — горячо подхватывают ребята эти слова.

— «...торжественно обещаю...»

Росла, ширилась и звенела над площадью многоголосая пионерская клятва. Казалось, не только здесь, у Кремля, у могилы великого Ленина, — на всех площадях городов повторяют ребята эти священные слова своей присяги на верность заветам Ильича, на верность народу; дают обещание жить и учиться так, как жил и учился Ильич, чтобы стать достойными гражданами своей родины.

Вот так же, наверное, горячо и взволнованно произносил торжественное обещание уральский пионер Павлик Морозов. Он с честью сдержал слово. Советский народ воздвиг памятник пионеру-герою.

Вот так же перед лицом своих товарищей обещал свято хранить заветы Ленина таджикский пионер Турсунали Матказимов. Турсунали хорошо учился в школе. Звено Турсунали собрало большой урожай хлопка. Турсунали присвоили звание Героя Социалистического Труда. Вместе со звездой Героя юному ленинцу вручили орден Ленина. И так же с честью выполнили свою клятву двенадцать отважных покровских пионеров, награждённых медалями «Партизану Отечественной войны», пионеры Саша Чекалин и Костя Кравчук, юные кавалеры ордена Красного Знамени, и тысячи других ребят. Юные пионеры всегда впереди — и в учёбе и в общественно-полезном труде.

Большая теперь пионерская семья. В ней больше 13 миллионов мальчиков и девочек.

Слышите, как дружно поют юные ленинцы:

Мы слово своё пионерское дали:
Достойными Родины быть!
И Родину нашу, как Ленин и Сталин,
Всегда беззаветно любить!

На груди у них горят пионерские галстуки. Над их колоннами развеваются знамёна. На знамёнах золотыми буквами написано: «К борьбе за дело Ленина—Сталина будь готов!» Это боевой девиз юных ленинцев-сталинцев.

А. КАРДАШОВА *Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ*

ВОЗДУШНЫЙ ШАР

Я выбрал шарик самый лучший.—
Прозрачный, гладенький,
скрипучий...

— Держи! — сказал мне продавец,
Шурша огромной связкой. —
Ну, шарик прямо сорванец. —
Я взял его с опаской.

Он как живой, он ловкий, вёрткий,
Он так и рвётся со шнурка.
Я привяжу его за форткой,
Пусть погуляет там пока.

На воздухе не съёжится
Резиновая кожица.

Настало первое число,
Пришёл сегодня май.
Стучится шарик мой в стекло:
— Ну что ж ты, выпускай!

И вот я нитку отвязал.
— Лети, — я шарику сказал.

— Прощай! Спасибо, я лечу
Навстречу тёплому лучу.

Внутри моих надутых щёк
Зажёгся красный огонёк.
Я облака перегоняю,
Всё меньше кажутся дома,
Их окружает вся сквозная
Светлозелёная кайма.

А вдоль прозрачных лип зелёных
Идёт народ, плывут знамёна...

Вот что сказал бы шарик мой,
Но он не прилетел домой.

С. КОСОВ

Рис. Ю. КОРОВИНА

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ

За окнами густой синий вечер. Василий Андреевич надел очки, повернул выключатель в настольной лампе, придвинул к себе кипу тетрадей.

— Ну-ка, посмотрим, что в моём чернильном хозяйстве делается.

Вот тетрадь Серёжи Голосова. Этот ученик любит, чтобы его тетрадь сверху лежала. Когда он пишет, то немного склоняет голову набок и чуть-чуть улыбается. И буквы у него получаются какие-то улыбающиеся: полненькие, красивенькие, с весёлыми завиточками.

Василий Андреевич макнул перо в красные чернила и поставил пять.

Спокойный, серьёзный Ваня Королёв унижет страницу ровными, аккуратными буквами, словно зерно посеет.

Василий Андреевич задержится взглядом на странице, даже проведёт по ней ладонью, словно погладит голову писавшего.

Таких учеников у Василия Андреевича много. Четвёрки, пятёрки и подпись учителя заканчивали каждую работу.

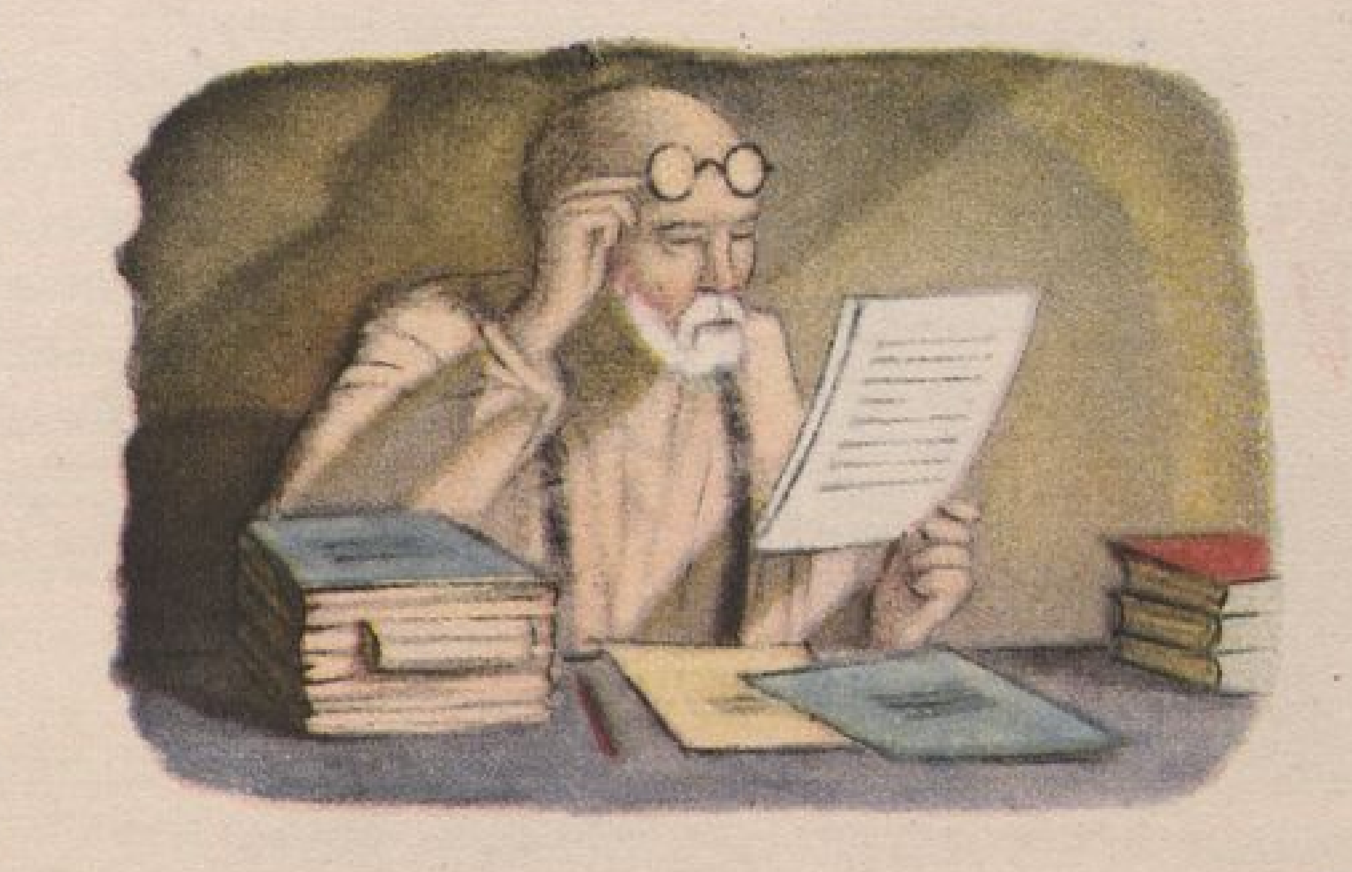
Но вот показалась тетрадь Мити Зеленцова.

«Что это Митя свою тетрадочку в середину запрятал? — подумал Василий Андреевич. — Раньше он старался тоже её сверху положить».

Раскрыл тетрадь — и ахнул... Буквы вправо, буквы влево, словно их бурей повалило. На самом конце вместо точки какая-то клякса поставлена.

— Что с ним случилось? — забеспокоился Василий Андреевич.

Перелистал тетрадь. Первые диктанты хорошие: четвёрки, пятёрки; почерк твёрдый, уверенный, и страницы — как стёклышко. А теперь двойку надо ставить.

Стал припоминать, как вёл себя Митя на уроках. Нехорошо он себя вёл. Был он какой-то рассеянный: в окно смотрел, когда спрашивали, водил глазами по потолку и отвечал плохо.

— Нет, тут что-то не так! Надо узнать.

Остальные работы даже перестали его радовать, хотя написаны они были так же хорошо, как и первые.

Василий Андреевич вышел из своего кабинетика и потянулся к шапке.

— Вася, куда ты? Поздно, — сказала Варвара Михайловна, жена его.

— Какое — поздно! У меня, Варварушка, беда: ученик Зеленцов диктант на двойку написал.

Василий Андреевич оделся, положил тетрадь Мити Зеленцова в карман пальто и вышел.

Больше сорока лет прожил Василий Андреевич в селе и все сорок лет без перерыва обучал ребят. Прибыл он сюда молодым учителем, стройным, чубатеньким, а теперь и волос на голове не осталось, усы поседели. И всего от прежнего Василия Андреевича осталось — только глаза, серые, живые, весёлые. Первые ученики его стали пожилыми дядями: председателями, бригадирами, ветеринарами, агрономами и теперь сами приводят своих ребятишек к Василию Андреевичу учиться. А всё же ему кажется, что и сейчас они его ученики. Только выросли. И до сих пор он не перестаёт о них заботиться.

Весной придёт к председателю колхоза:

— Андрюша, всё у тебя к посевной готово?

— Всё, Василий Андреевич, только вот семена ещё раз надо проверить.

— Проверь, Андрюша, пора.

А бывало и так. Придут к нему секретарь партийной организации, председатель колхоза, агроном, бригадиры.

— Василий Андреевич, мы сад надумали большой разводить.

— Что ж, дело хорошее! Яблочков захотели?

— До яблочков далеко. Не знаем, как лучше за это дело приняться.

Василий Андреевич подумает, покрутит усы.

— Дело простое, садовода надо из города приглашать, — скажет и улыбнётся.

— Да нет! На садовода у нас своих охотников много. Пришли посоветоваться, кого нам на курсы послать. Вы знаете, кто у нас на это дело всех способнее.

Переберёт Василий Андреевич в памяти всех своих бывших учеников и посоветует. А сам думает, радуется: «Вот скоро и учёный садовод на селе появится. Растут мои ребята».

А сейчас у Василия Андреевича беда. Маленькая, казалось бы, заноза, а болит. Как это так, его ученик Митя Зеленцов вдруг стал плохо учиться! Неприятно это ещё и потому, что стыдно будет перед своими бывшими учениками-колхозниками. Придёшь к председателю колхоза спросить, всё ли у него к посевной готово, а он вдруг и сам спросит: «А у вас, Василий Андреевич, все ребятишки в следующий класс перейдут?»

Василий Андреевич торопливо идёт по улице. В освещённые окна видно, как семьи сидят за столами — ужинают. Кое-где на дворах ещё бренчат вёдрами, разговаривают. Но улица уже пуста, темна. Месяц только что выползает из-за крыш. Начинает слегка подмораживать.

Вот изба Любы Зеленцовой, Митиной матери. Когда-то и она училась у Василия Андреевича. Бедовая, весёлая была девушка. А теперь осталась одна: муж её, Серёжа, на войне погиб.

В окнах избы свет. Василий Андреевич продрался сквозь голые ещё ветки акаций и заглянул в окно. Сразу он разобраться не мог, что в избе делается. На столе большая клетка, на полу валяется пальто, опрокинутый стул. Митя лезет зачем-то на шкаф. Тут же, рядом с Митей, задрав голову кверху, заливается лаем пёс Буян.

Василий Андреевич постучал в окно. Митя подошёл к окну и, как только узнал, кто стоит за окном, побежал открывать калитку.

— Здравствуйте, Василий Андреевич! — ещё за калиткой послышался его голос.

— Здравствуй, Митя.

— Пришёл я тебя проведать, — заговорил Василий Андреевич, когда они вошли в избу. — Иду по улице, вижу у тебя свет. Наверно, думаю, Митя уроки готовит.

Митя поник головой.

— Ну как, приготовил уроки?

— Приготовлю ещё, — пробормотал Митя.

— То-то вот, приготовлю. А время-то позднее, спать пора.

Огляделся Василий Андреевич: Митя, как видно, давно в избе хозяйничает. Одежда вся на диван свалена, печка заслонкой не прикрыта. Лазил неумелый в печь и позабыл закрыть. Пёс в избе, клетка валяется.

— А где мама? — спросил Василий Андреевич.

Митя вздохнул.

— На скотном дворе. Там у неё ягнятки маленькие. Дежурить пошла. Она скоро придёт.

Василий Андреевич тоже вздохнул, сел на лавку.

— Как же это так? — заговорил он. — Мать работает, ночи не спит. А ты и об уроках позабыл, с Буяном забавляешься.

Буян, услыхав свою кличку, приподнялся, выступил из угла, умильно облизнулся, вильнув хвостом, и снова сел — словно представился.

— Учитель к тебе пришёл, — продолжал Василий Андреевич, — а у тебя такой беспорядок. Мама придёт, стыд-то какой будет. И опять ей работа.

Митя отвернулся, надул губы.

— Что же мы с тобой делать будем?

— Не знаю! — прошептали Митины губы.

— Не знаю! Знать надо! Надо сначала в избе прибрать.

Василий Андреевич разделся. Вместе с Митей они развесили одежду по крюкам, прикрыли печку. И Буяна пришлось из избы выпроваживать. Гнал его Митя. Долго пёс сопротивлялся. И, словно почуяв, в ком вся причина, взглянул с укором на Василия Андреевича и нехотя направился к двери.

— У меня белка есть, — сказал Митя.

— Какая белка?

— Вчера я с Буяном в лес ходил, белку поймал. Она из клетки убежала, весь вечер ловлю.

«А, вот оно что!» — подумал Василий Андреевич.

— А где же она, твоя белка?

— На шкафу сидит.

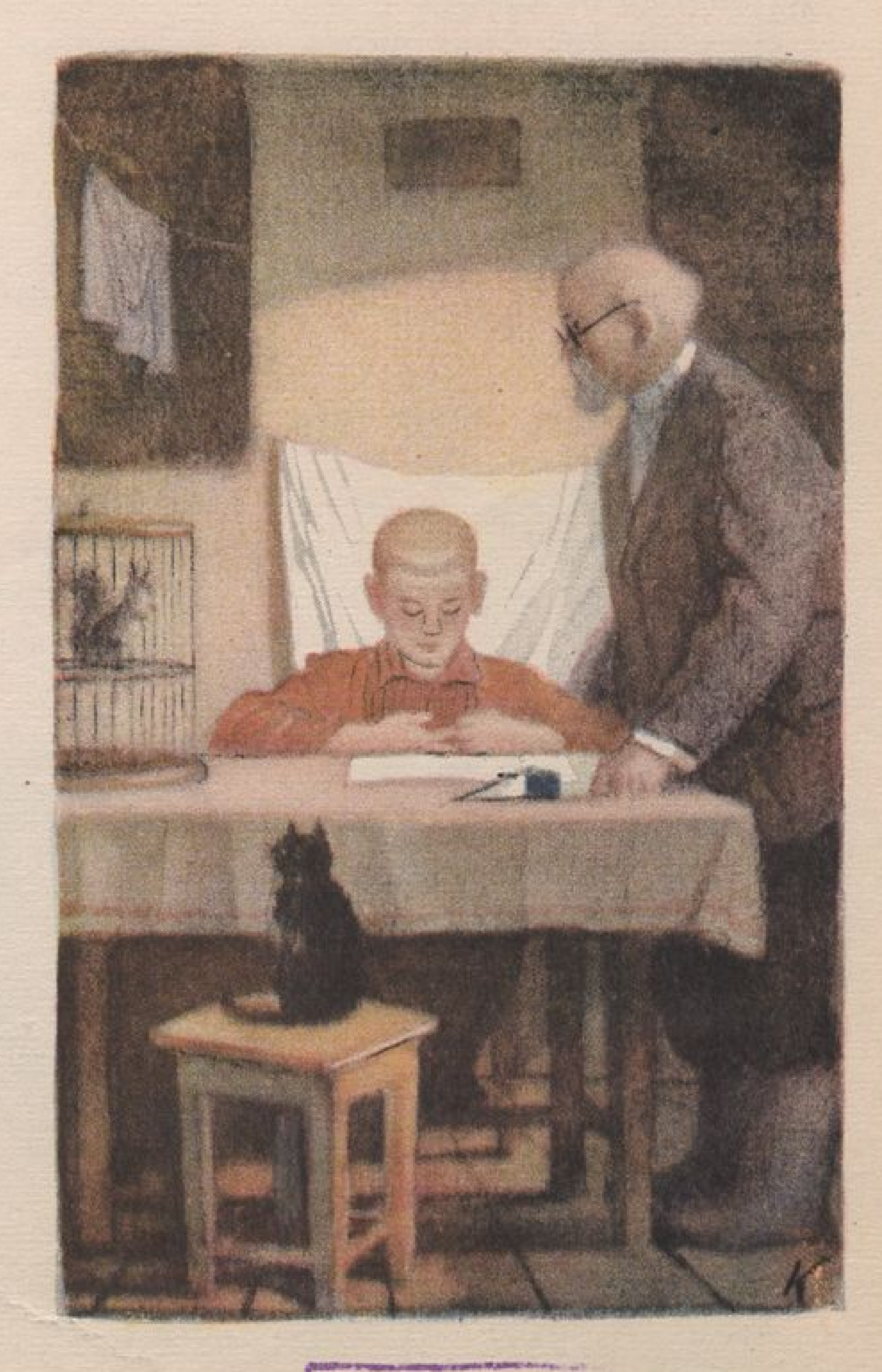
Пришлось Василию Андреевичу с Митей и белку ловить. Не скоро дался в руки зверёк. Скакал по избе, как в лесу по сучьям: со шкафа на зеркало, с зеркала на печной шесток, с шестка на одёжные крюки. Всё-таки поймали, посадили в клетку.

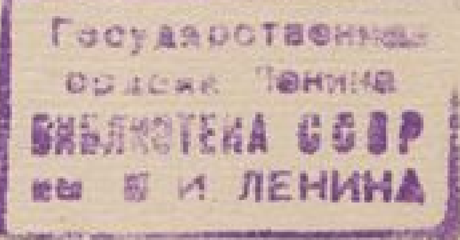
— Ну что ж, ложись спать, уроки ты сегодня всё равно не выучишь, — сказал Василий Андреевич.

Митя молча потащил свою сумочку с книгами к столу. Стал он решать задачу — не выходит. Плохо слушал в классе. Василий Андреевич стал помогать ему. Решили задачу, другую. Потом стихотворение наизусть выучили. От усердия у Мити даже пот на носу выступил.

— Задайте мне ещё, Василий Андреевич, — разохотился Митя.

Василий Андреевич вынул тетрадочку с диктантом, развернул её, положил перед Митей.

— А как нам с этим быть?

Увидел Митя свои кляксы, помарки, буквы вправо, буквы влево, всё красными чернилами перечёркнуто. Под диктантом никакой отметки и подписи Василия Андреевича нет. Значит, Василий Андреевич работу никак не оценивает и не признаёт. Полный позор!

— Это всё белка виновата, — сказал он. — Когда я писал, то всё о ней думал.

Василий Андреевич встал, подошёл к клетке, стал играть с белкой.

— Хорошая белка, — отозвался он.

Митя обрадованно поднял голову.

— Василий Андреевич, я её для вас поймал, чтобы вы её ребятам показывали. Вы сейчас возьмите её, Варваре Михайловне покажите, а завтра — ребятам.

— Не возьму,—сказал Василий Андреевич, отходя от клетки.

Митя раскрыл рот, замер от неожиданности.

— Я скажу Серёже Голосову и Ване Королёву; они мне поймают белку. Белка им не помешает уроки готовить и диктанты писать. Хоть десять белок поймают, а таких плохих диктантов не напишут.

Василий Андреевич отвернулся к тёмному окну и долго смотрел в него, расстроенный.

Он не видел, что делалось с Митей. Митя долго сидел безмолвно, потом стал возиться и шмыгать носом. Василий Андреевич увидел его потом, когда отошёл от окна.

Митя писал. Перед ним лежала новая тетрадочка, и он, поджав губы, решительно сдвинув брови, двигал и двигал пером, сыпал одну буковку лучше другой.

Василий Андреевич понял, что больше ему тут делать нечего. Стал собираться домой.

— А белку я, пожалуй, возьму, — сказал он.

— Возьмите, Василий Андреевич, пожалуйста! Я никогда плохо учиться не буду! — крикнул Митя, не выпуская пера из рук.

Василий Андреевич шёл по улице с клеткой в руках. На душе у него стало покойно. Беда прошла, заметил он её вовремя. Митя будет учиться. Завтра он придёт к нему с выученными уроками...

Василий Андреевич подошёл к крыльцу своего дома, постучал.

Открывая дверь, Варвара Михайловна ворчала:

— Ну, что ты мучаешь ребёнка! Сам беспокойный и другим покою не даёшь.

— Ничего, ничего, Варварушка. Провинился — пусть исправляется. Угости-ка меня чайком да посмотри вот белку, — потирая руки, смеясь, отвечал довольный Василий Андреевич.

С. МАРШАК

Рис. О. ВЕРЕЙСКОГО

Часы

Часовщик, прищурив глаз,
Чинит часики для нас.

А потом захлопнет дверцу
И опять их заведёт,
Чтобы в них стучало сердце
Дни и ночи напролёт.

Чтобы маленькая стрелка
Стрекотала на бегу
И вертелась, точно белка,
В самом маленьком кругу.

Чтобы мерила минутки
Стрелка длинная для нас,
А другая дважды в сутки
Отмечала каждый час.

Чтоб они не отставали
От других своих подруг —
Тех, что в школе, на вокзале
И в Кремле обходят круг,

Л. ВОРОНКОВА

Рис. В. КОНОВАЛОВА

МЕДОК И ХОЛОДОК

Таня и Алёнка, две подружки, бегали босиком по солнечным лужам, догоняли друг друга, а брызги так и летели у них из-под ног во все стороны.

— Смотри-ка, — вдруг сказала Алёнка и остановилась: — Серёжа Таланов хворост в мешке несёт!

Серёжа услыхал.

— Это не хворост, — сказал он: — это молоденькие деревца — саженцы. Вон у школы меня ребята ждут, сегодня сажать будем.

— А где сажать? — спросила Таня. — В палисадниках?

— И в палисадниках и около дворов. По всей улице насажаем, чтобы наша деревня была, как сад. Вот подрастайте скорей — и вы сажать будете.

Серёжа пошёл было дальше. Но Таня уцепилась за его рукав.

— Серёжа, дай и нам с Алёнкой по деревцу! Мы тоже посадим, мы уже подросли!

— Мало вы подросли-то, — сказал Серёжа. — Не сумеете посадить, только загубите!

Но всё-таки выбрал из мешка два тоненьких деревца и дал им.

— Сажайте. А не сумеете — зовите кого-нибудь из ребят, они помогут.

Когда Серёжа ушёл, Алёнка посмотрела на своё деревцо и сказала:

— Разве это деревцо? Это просто какой-то прутик! Он нам нарочно сказал...

Таня поглядела на неё:

— Эх, ты! Прутик! А разве у прутиков корни бывают?

Алёнка потрогала пальцем корешок, подумала и ничего на это не ответила.

Потом они стали советоваться:

— По-твоему — где посадить? У ворот или под окнами?

— Я у калитки посажу.

— Ну, тогда и я у калитки.

— А ты у чьей калитки посадишь: у нашей или у вашей?

— А ты?

— Я у нашей.

— Ну, тогда и я у вашей.

Они нашли в сарае дедушкин заступ, притащили его к калитке. Но заступ был очень тяжёлый. Такой заступ и не поднимешь, а не то что им землю копать.

А дедушка в это время убирал двор. Складывал в кучу дрова, заметал сор. Он увидел, как Таня и Алёнка мучаются с заступом, вышел к ним и спросил:

— Вы чего это делаете?

— Мы, дедушка, деревья сажаем, — ответила Таня. — Липки!

— А ну-ка, дайте сюда заступ. — Он взял заступ и выкопал две ямки.

— Ну вот. Теперь и сажайте.

Таня и Алёнка посадили свои деревца, примяли вокруг них землю, полили их водой. Светит горячее весеннее солнышко, идут по небу весёлые облака, поют петухи по всей деревне, развёртывается листва на

деревьях... И два новых деревца стоят у калитки, расправляют корешки в тёплой земле.

Таня и Алёнка то и дело прибегали полюбоваться на свои деревца.

— Мою липку, знаешь, как зовут? — сказала Таня. — Мою липку зовут Медок.

— А почему?

— А потому что, когда она вырастет, то на ней будут медовые цветы. И пчёлы будут за мёдом прилетать. У липы в цветах мёд есть, вот спроси у дедушки!

Алёнка задумалась.

— А как же мою? Тоже Медок?

— Ну, а твою как-нибудь ещё, — сказала Таня. — Твою пусть — Холодок.

— А почему?

— А потому что, когда она вырастет, то будет густая-прегустая. Летом наступит жара, дышать нечем! А под твоей липой — холодок. Ну, пусть?

Алёнка улыбнулась и кивнула головой:

— Пусть!

Так стояли Медок и Холодок, грелись на солнышке целый день, приживались на новом месте. А вечером пришла скотина с лугов. Овцы увидели у калитки два молоденьких деревца, понюхали их и обгрызли у них всю верхушку и все веточки съели.

Наутро Алёнка встала пораньше, прибежала посмотреть на деревца и сразу закричала:

— Ой, Танюшка, иди скорей, погляди-ка!

Таня услышала, выбежала из избы.

— Кто сломал? Кто сломал? — заплакала она.

И скорей — к дедушке. А дедушка сказал:

— Вот как у тебя слёзы-то близко! А что плакать? Не плакать надо. А надо взять да и новые липки посадить.

— А если опять сломают?

— А ты опять посади. Да позаботься, побереги. Уж если человек что задумал, то он так и должен сделать. А не то что сразу руки опускать да слёзы проливать.

— Да, «опять посади»! А где мы другие липки возьмём? Серёжа больше не даст!

— Вот задача! — сказал дедушка. — Ну, ничего. Как-нибудь решим. Вон за скотным двором молодых рябинок много...

Но Таня замахала руками:

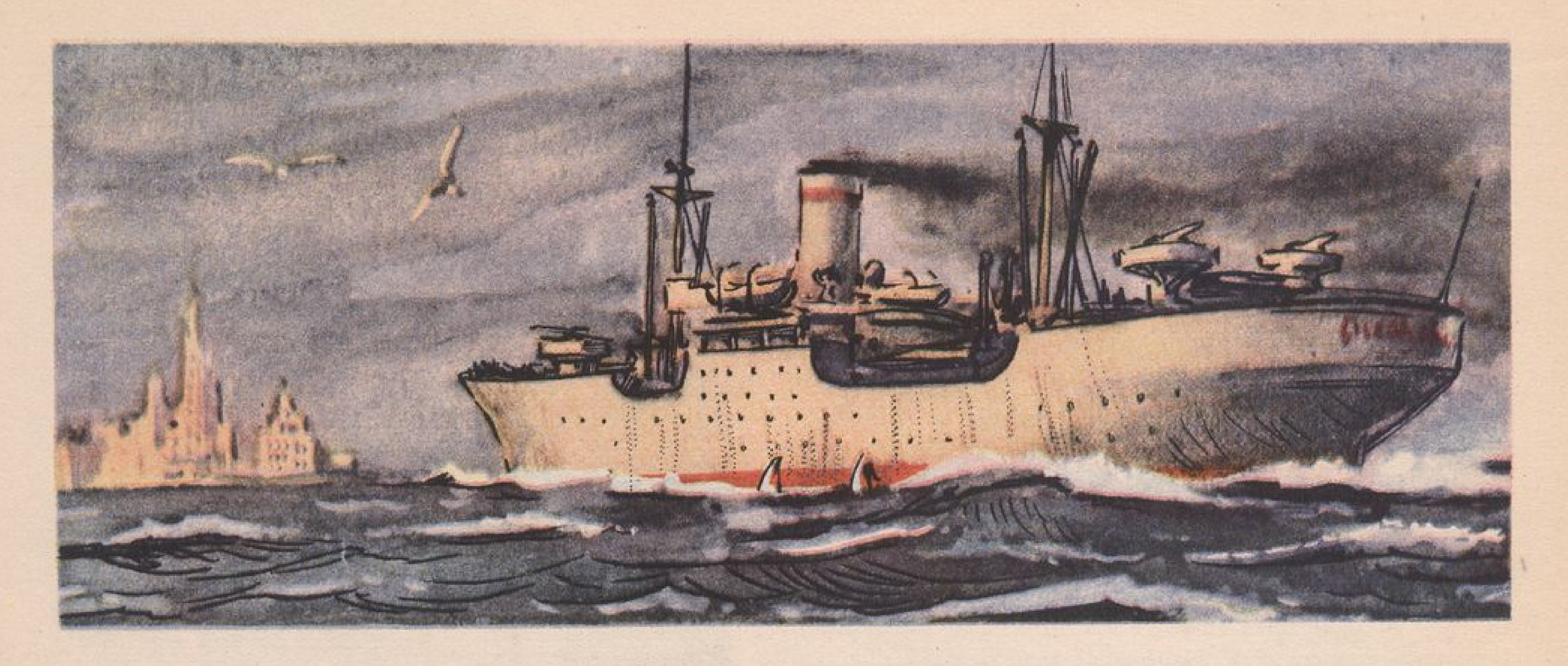
— Нельзя рябинки! Что ты, дедушка? Серёжа скажет: я липки давал, а у вас рябинки выросли!

— И ведь мы же им имена придумали! — сказала Алёнка. — Медок, Холодок... А рябина — медок, что ли?

— Ну, уж если так, то ничего не поделаешь, — сказал дедушка, — придётся в лес итти, молодые липки искать. Не плачьте. Ужо сходим!

Таня и Алёнка ходили в лес вместе с дедушкой. И принесли две липки, такие же тоненькие, такие же хорошенькие. Они отыскали их в чаще, выкопали из влажной лесной земли, из трудной почвы, проросшей древесными корнями.

И снова у Таниного двора стоят два деревца — Медок и Холодок. Только, чтобы их опять овцы не съели, дедушка огородил деревца слегами. Пусть растут хорошенько.

БОГДАН ЧАЛЫЙ

Рис. В. ВЫСОЦКОГО и А. КОКОРИНА

БАЛЛАДА ПРО НЕГРА ТОМА

* * *

Плывёт в океане холодный туман,
А ветер бежит за волной.
Всё тише, всё глуше шумит океан,
Виднеется берег родной.
Гудит пароход... Это явь, а не сон,
И в мыслях у Тома одно:
Коль с битвы домой возвращается он,
Так, стало быть, жить суждено.

* * *

За океаном, в дальней стороне
Был Том отважным на войне.
Вопили немцы: «Чёрный бурелом!»,
Когда он шёл на немцев напролом.

У Тома деньжонок какая-то малость,
И нету жилища, и в сердце усталость...
Но смутной надеждою сердце объято
У отставного
Цветного
Солдата.

* * *

Чистильщик Джон и разут и раздет —
Мимо шагают владельцы штиблет.
— Парень, здорово!
— Солдату — привет!
— Ну, как поживаешь?
— Плохие дела!
Плохие дела, коль судьба не мила:
Отец без работы — семье голодать,
Он ищет работу, а где её взять?

Том детство своё вспоминает, и вот
Он Джону последний доллар отдаёт.
— Ботинки начищу, —
Промолвил Джон, —
Чтоб солнечный свет
В них был отражён!

* * *

В беседе
Из них не заметил никто,
Как быстрое к ним подкатило авто,
Как выскочил прыткий мистер
фашист —
Американский капиталист.
За ним — его клика...
Кричат без запинки:

— Белый
Чёрному
Чистит ботинки!
Бей!

Окружили —
И выстрел раздался,
И снова раздался:
Том зашатался,
Джон зашатался...
Словом, «свобода»
Без перемен.

* * *

Молча стоял на углу полисмен.

Авторизованный перевод с украинского
Г. Абрамова

МИХАИЛ ПРИШВИН

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО и Т. ЕРЁМИНОЙ

ВАСЯ ВЕСЁЛКИН

Когда снег весной сбежал в реку (мы живём на Москве-реке), на тёмную горячую землю везде в селе вышли белые куры.

— Вставай, Жулька! — приказал я.

И она подошла ко мне, моя любимая молодая собака, белый сеттер в частых чёрных пятнышках.

Я пристегнул карабинчиком к ошейнику длинный поводок, намотанный на катушку, и начал Жульку учить охоте (натаскивать) сначала по курам. Ученье это состоит в том, чтобы собака стояла и смотрела на кур, но не пыталась бы курицу схватить.

Надо добиться, чтобы собака указывала место, где спряталась дичь, и не совалась за ней вперёд, а стояла. Такое поведение собаки называется у охотников «стойкой». Собака стоит, а он сам стреляет или накрывает сеткой дичь.

Непонятная сила, влекущая собаку к курице, у охотников называется «потяжкой». Только не надо думать, что собаку тянет желание полакомиться курицей или какойнибудь другой птицей. Нет, её тянет страстное желание всё живое, всё способное двигаться, бежать, плыть, летать, остановить в своём движении.

Вот так и вышли на чёрную горячую землю белые куры, и Жульку к ним потянуло. Медленно приближаясь, Жулька остановилась перед одной курицей в двух или трёх метрах. Когда же она так сделала стойку, я перестал отпускать поводок и крепко его задержал в руке. Постояв некоторое время, Жулька сунулась, чтобы схватить курицу, и та с криком взлетела, а я так сильно дёрнул за поводок, что собака опрокинулась на спину. Так сурово для острастки я поступил один только раз.

— Лежать! — крикнул я в следующий раз, когда она опять сунулась.

И она, приученная к слову «лежать» ещё зимой в комнате, легла.

И пошло так у нас изо дня в день, и в какую-то одну неделю я натаскал Жульку отлично по курам. Свободно пуская собаку, я иду по деревне, она делает стойку по курице и одним глазом глядит на неё, а другим следит за мной: как только я начну выходить из её поля зрения, она бросает курицу и бежит ко мне.

Кроме кур, в нашей деревне никаких домашних птиц нет. Мы живём на берегу Москвы-реки, повыше Рублёвского водохранилища, обеспечивающего Москву-столицу питьевой водой. Чтобы не загрязнить воду, у нас в деревне запрещено держать водоплавающую птицу. И я, хорошо натаскав Жульку по курам, совсем упустил из виду, что в селе на другой сто-

роне реки один озорной хозяин держит гусей.

Вот и не могу сейчас сказать, по какому это праву он их держит и почему никто не вступится за чистоту московской питьевой воды. Думаю, скорей всего люди в колхозе были очень заняты, им было не до гусей. Я и сам совсем забыл об этих гусях и спокойно шёл, пуская Жульку свободно бегать перед собой справа налево и обратно, слева направо.

Ничего худого не подозревая, мы вышли в конце деревни в прогон к реке. Небольшой холмик разделял нас от реки, и по нему кверху поднималась по травке белая тропка, след больших и маленьких человеческих ног, босых и обутых. Жулька пустилась вверх по этой тропе. На мгновенье она показалась мне вся вверху на фоне голубого неба. У неё была поза именно такая напряжённая, какая бывает у собаки на стойке. Не успел я ей крикнуть своё обычное «лежать», как она вдруг сорвалась и бросилась со всех ног вниз по другой, не видимой мне стороне холма. Вскоре потом послышался всплеск воды и вслед за тем крик, шум, хлопанье по воде крыльев такое, будто бабы на помосте вальками лупили бельё.

Я бежал наверх и вслед за ударами сердца своего повторял про себя:

— Ая-яй! Ая-яй! Ая-яй!

Это потому я так испугался, что очень много в своей жизни страдал. Задерёт собака какую-нибудь животину—и ничем не откупишься: так изругают, так осрамят, что весь сморщишься, как сушёный гриб, чтобы не зареветь.

Добежав до вершины холма, я увидел зрелище, потрясающее для учителя легавой собаки. Жулька плавала по воде, делая попытки схватить того или другого гуся. Смятение было ужасающее: беспрерывное гусиное гоготанье, хлопанье крыльев, пух гусиный, летающий в воздухе.

Звук моего свистка и крики были совершенно бессильны: достигнув одного гуся, Жулька пускала из него пух, а гусь, подстёгнутый щипком, набирал силу и, помогая себе крыльями, частью водой, частью по воздуху уклонялся от второго щипка. Тогда Жулька повёртывалась к другому гусю, пускала пух из него.

Пух, как снег, летал над рекой.

Ужасно было, что в разлив реки ещё невозможно было сделать обычные мостки через реку, и я не мог приблизиться хоть сколько-нибудь к месту действия: всё происходило на самой середине широко разлившейся Москвы-реки.

Всех гусей было восемь. Я не только успел всех их сосчитать, но положение каждого гуся представлял себе, как представляет полководец положение всех частей его войска. У меня вся надежда была на самих гусей, что какой-нибудь гусак, раздражённый, наконец, озлится и сам попробует Жульку щипнуть. Она такая трусиха! Если бы хоть один гусь сделал такую попытку, Жулька бы немедленно пустилась ко мне под защиту от клюва храброго гуся...

И вот, казалось мне, один гусак как будто и догадался, и, наверное, всё бы кончилось хорошо. Но в этот момент выбежал из кустов Витька с ружьём, сын хозяина гусей, и прицелился в плавающую голову Жульки...

Сердце у меня оторвалось. Но почему я не крикнул, не остановил мальчишку? Мне кажется теперь, как будто всё было во сне, что от ужаса я онемел. На самом же деле, конечно, я бы крикнул, если бы только было мгновенье для крика. Всё произошло так скоро, что крикнуть я не успел.

Грянул выстрел.

Я успел всё-таки увидать, что чья-то рука из кустов толкнула Витьку в плечо, и дробь хлестнула по воде далеко от места гусиного побоища.

Витька хотел стрелять из второго ствола, но голос из кустов остановил его:

— Что ты делаешь? Собака законно гонит гусей: тут водоохранная зона; не собака, а гуси тут незаконные. Ты, дурак, своего отца подведёшь!

Тут, конечно, и у меня язык развязался, да и Жулька опомнилась от выстрела, услыхала мой зов, поплыла к моему берегу.

Конечно, я тут не растерялся до того, чтобы открыть Жульке свою радость спасения. Напротив, я ждал её на берегу мрачный и говорил ей своим видом, как я умею так разговаривать с собаками.

— Плыви, плыви, — говорил я, — ты мне ответишь за гусиный пух!

Выйдя на берег, она, по собачьему обыкновению, хотела укрыть своё смущение посредством делового встряхивания, фырканья, катания своего по песку. Но как она ни старалась, гусиный пух с её носа и рта не слетал.

— Ты мне ответишь за гусиный пух!— повторял я.

Наконец и ей надоело притворяться: обернулась ко мне, и я прочитал по её виду:

— Что же делать, хозяин, я уж такая...

— Нет, матушка, — отвечал я, — ты не должна быть такая.

— Что же делать? — спросила она.

И сделала шаг в мою сторону.

— Что делать? — сказал я. — Иди-ка, иди ко мне на расправу.

Нет, этого она боится. Она ложится на брюхо, вытягивает на песке далеко от себя вперёд передние лапы, кладёт на них голову, большими, человеческими глазами глядит на меня.

— Прости меня, хозяин! — говорит она глазами.

— Пух у тебя на носу, — говорю я, — отвечай мне за пух!

— Я больше не буду! — говорит она глазами с выступающими на белки крас-

ными от напряжения и раскаяния жилками.

— Ладно! — говорю я таким голосом, что она меня понимает и несётся ко мне.

Так всё хорошо кончилось, но одно я в радости своей упустил. Я не успел рассмотреть, кто же это был спаситель Жульки. Когда я вернулся домой и захотел приступить к своим обычным занятиям, мысль о неизвестном не давала мне работать... Любовь моя к охоте, к природе, к собаке не могла оставаться во мне теперь без благодарности спасителю моей прекрасной собаки. Так я отложил свои занятия и пошёл к учителю, в школу, за несколько километров от нас. По маленькой руке, толкнувшей Витьку в плечо, по голосу я знал, что это был мальчик. По рассудительному окрику я понимал, что мальчик, наверно, учится в школе.

Рассказав всё учителю, я попросил его найти мне мальчика, спасителя Жульки, обещал, что подарю ему любимую мной книгу «Всадник без головы» в хорошем издании. Учитель обещал мне найти мальчика, и после того я уехал надолго учить Жульку в болотах.

Приближалось время охоты, когда, выучив Жульку, я вернулся домой и в первый же день направился к учителю. Оказалось, найти спасителя Жульки не так-то легко. Но только несомненно, что он был среди школьников.

— Он сделал хорошее дело, — сказал я, — мы ищем, чтобы поблагодарить его. Почему же он не хочет открыться?

— В том-то и дело, — ответил учитель: — ему не хочется выхваляться тем, что самому ничего не стоило. Он стыдится, и это стыд здоровый: каждый должен так поступать.

— Но не все же такие мальчики, нам нужно непременно найти его, нам нужен пример для других.

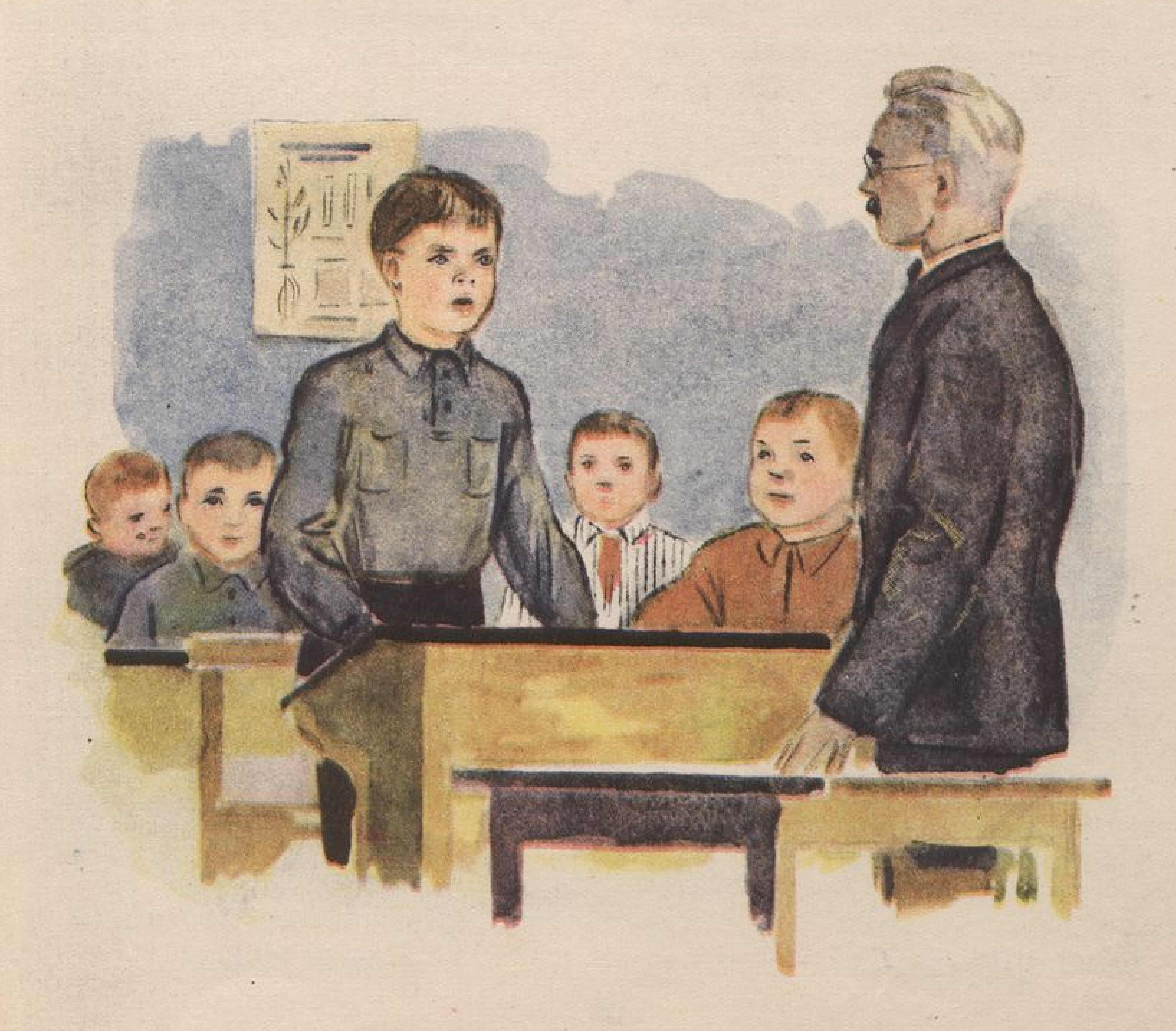
— Это правда! — ответил учитель.

И, подумав немного, сказал:

— Мне пришла в голову мысль. Мы найдём! Скажите, сколько было гусей?

— Их было восемь, — ответил я.

— Так помните: восемь, — сказал учи-

тель, — и напишите рассказ об этом случае, напишите правдиво, и подчеркните в нём, что было не сколько-нибудь, а именно восемь гусей.

Замысел свой учитель от меня скрыл. Я и не стал допытываться. Скоро написал рассказ, и в одно воскресенье мы с учителем устроили чтение в школе весёлых рассказов разных авторов. Так дошло и до чтения моего правдивого рассказа о собаке Жульке и о гусях. Нарочно, для правдивости, я и Жульку привёл, показывал, как она по слову «лежать» ложится, как делает стойки. Веселье началось особенное, когда я читал про гусиный пух и что я, как полководец, держал в уме поведение каждого гуся.

— А сколько их всех было? — спросил меня в это время учитель.

— Восемь гусей, Иван Семёнович! — ответил я.

— Нет, — сказал учитель, — их было десять.

— Восемь, — повторил я. — Утверждаю: их было восемь.

— А я утверждаю, — резко сказал Иван Семёнович, — их было именно десять, и могу доказать. Хотите, пойдем сейчас к хозяину и сосчитаем: их у него десять.

Во время этого спора чьё-то нежное, стыдливое сердце сжималось от боли за правду, и это сердце было на стороне автора рассказа о гусях и собаке. Какой-то мой слушатель, мой читатель будущий, мой сторонник, горел за правду у себя на скамеечке.

— Утверждаю, — сказал учитель, — гусей было десять.

— Неправда! — закричал мой друг. — Гусей было восемь!

Так мой друг поднялся за правду, весь красный, вихрастый, взволнованный, с большими серыми глазами, гневно устремлёнными на учителя.

Это был Вася Весёлкин, стыдливый, застенчивый в своих добрых делах и бесстрашный в борьбе за правду.

— Ну, спасибо, спасибо тебе, мой друг, — сказал я.

И подарил спасителю моей Жульки любимую мной в детстве книгу «Всадник без головы».

О. ВЫСОТСКАЯ

Песенка про эхо

— Кто, скрываясь по лесам,
Вторит нашим голосам,
Вторит взрывам смеха?
— Эхо! Эхо!

— Где ты, эхо? Объявись!
— Где ты, эхо? Отзовись!
Просим всем отрядом!
— Рядом! Рядом!

— Ну-ка, эхо, дай ответ,
Сколько нам сегодня лет,
Всем ребятам вместе?
— Двести! Двести!

— Видишь, сколько тут ребят?
Все дружить с тобой хотят!
Жить без дружбы скверно!
— Верно! Верно!

— Мы позавтракать хотим,
Хочешь булкой угостим?
Станешь есть сметану?
— Стану! Стану!

— Ну, прощай — нас дома ждут!
Завтра снова будем тут.
Славно здесь, прохладно!
— Ладно! Ладно!

А. БАРТО **Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО**

РЕКА РАЗЛИЛАСЬ

Сегодня утром мы встаём,
Своей реки не узнаём:
Где недавно был каток,
Там бушующий поток.

Речка сбросила мостки,
Вырвалась из плена,
Всё ей нынче пустяки,
Море по колено!

Вышел на крылечко
Дедушка Иван:
— Разве это речка?
Это океан!

На полях вода везде,
Не узнать колхоза,
И до пояса в воде
Белая берёза.

Возвращался третий класс
С книжками с урока,
Видит — речка поднялась,
Разлилась широко,

Затопила огород,
Мчится по оврагу...
По реке петух плывёт,
Унесло беднягу.

На оторванной доске
Он несётся по реке.

Ну, теперь ему конец —
Он неопытный пловец.

Но с волной вперегонки
Вниз, с крутого ската
Мчатся берегом реки
Школьники-ребята.

Они бегут к оврагу,
Вокруг ручьи текут.
Тяжёлую корягу
Ребята волокут.

Петух плывёт куда-то,
Вокруг шумит вода.
— Сюда! — кричат ребята. —
Сюда плыви, сюда!

В воде среди оврага
Качается коряга.
За корягу, за сучки
Зацепился край доски.

Машет крыльями петух,
Он летит на берег,
Озирается вокруг —
Счастью он не верит.

Знают все, что третий класс
Петуха сегодня спас.

ГОЛУБОК

В. КАТАЕВ *Рис. Е. РАЧЁВА*

С утра шёл дождь. Дул сильный ветер. Высокие сосны раскачивались во все стороны, стукаясь сухими ветками. В лесу было сумрачно. Холодная вода стояла в траве по щиколотку.

Женю и Павлика не пустили гулять. Они целый день сидели в комнате и скучали. Вдруг слышат: гуль-гуль-гуль...

Дети высунулись в окно, посмотрели вверх и увидели под застрехой голубка. Как видно, он отстал от своих, заблудился в лесу, вымок и спрятался от непогоды под застреху.

Это был очень красивый голубок, весь белый, в пуховых штанишках, с розовыми глазами.

Он ходил взад и вперёд по выступу дома, проворно вертел головкой, чистил клювом мокрые пёрышки и сам с собой разговаривал:

— Гуль-гуль-гуль...

Женя и Павлик очень обрадовались и стали кричать голубю:

— Здравствуй, гуленька! Бедненький гуленька! Иди к нам в комнату, гуленька! Мы дадим тебе кашки!

Голубок вежливо отвечал:

— Гуль-гуль-гуль...

Но из-под застрехи не выходил: наверное, боялся.

Тут дождь пошёл ещё сильнее, сверкнула молния, загремел гром. Пришла мама, закрыла окно и велела детям есть простоквашу, а потом ложиться спать.

— Мамочка, — сказала Женя, — мы хотим немножечко поиграть с голубком.

Да, мы хотели немножечко поиграть с голубком, — сказал вслед Павлик, который всегда повторял Женины слова.

Но мама сказала:

— Сегодня уже поздно. Надо ложиться спать. И гуленька пусть ложится спать. А завтра встанете пораньше, будет хорошая погода, и целый день будете играть с голубком.

Дети съели простоквашу, улеглись, но долго ещё не могли заснуть. Они лежали и шопотом разговаривали про голубка, как они с ним будут играть завтра.

— Завтра я его буду пеленать, — сказала Женя.

— Нет, я его буду завтра запрягать, — сказал Павлик.

— Нет, я его буду купать!

— Нет, я его буду возить!

— Нет, я его буду учить!

Пришла мама и сказала:

— Довольно болтать. Спите.

Женя и Павлик повернулись на другой бок, стараясь быстрее уснуть, чтобы скорее было завтра.

Назавтра они проснулись рано. Дождя не было. Ветра не было. Сосны не шевелились. В лесу дымилось солнце. В траве играла роса. Женя и Павлик поскорее оделись, умылись и высунулись в окно посмотреть на своего голубка. Но голубка

не было. Тогда дети побежали в сад. Искали в саду, искали — нет голубка.

— Вы чего здесь ищете? — спросил папа из окна.

— Мы, папочка, голубка своего ищем, гуленьку.

— Белого? В пуховых штанишках? — спросил папа.

— Да, — сказала Женя, — белого.

— Белого, — повторил Павлик.

— Я его видел и даже покормил хлебом, — сказал папа. — Он позавтракал и улетел.

— Куда?

— Вон за те сосны. Домой, наверно.

— Ну вот, я так и знала! — сказала Женя.

А Павлик чуть не заплакал. Он опустил голову и стал смотреть себе под ноги.

И вдруг закричал:

— Женя, что это?

На земле, одно на другом, лежали два лёгких белых пёрышка.

— Это нам гуленька оставил, — сказала Женя. — Одно тебе, а другое мне.

На обложке рисунок А. Ермолаева. *Портрет И. В. СТАЛИНА работы художника В. Сурьянинова.*

Рукописи не возвращаются

Техн. редактор А. Губер

Год издания двадцать шестой **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д-3-20-90, доб. 1-06. Подписано к печати 5/IV 1949 г. А03914 Объём 3 печ. л. 2,8 уч.-изд. л., 33 000 зн. в печ. л. Тираж 117 000 экз. Заказ 426.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сущёвская, 21.

Рис. Н. ЖУКОВА

